

Е.И. Майорова

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

*Тайны
Российской
Империи*

Елена Ивановна Майорова
Личная жизнь Петра Великого
Серия «Тайны Российской империи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5978273

Е.И. Майорова. Личная жизнь Петра Великого. Петр и семья Монс:

Вече; Москва; 2011

ISBN 978-5-9533-5580-3

Аннотация

Императора Петра I именуют Великим – имеются в виду его государственные преобразования. А вот в личной жизни вряд ли можно применить к «великому реформатору» этот эпитет. В любви его часто предавали, даже в самой сильной, самой неистовой – к Анне Монс, а ведь ради нее он постриг законную жену в монахини. Красавица безраздельно воцарилась в сердце Петра, однако не смогла удержаться на этом хрупком пьедестале. Он ее любил, она его – нет. Непростые отношения были у императора и с другими дамами его сердца. Как только он попадал в паутину сердечной привязанности, становился беззащитным и... неуправляемым.

Содержание

Введение	4
Романовы: преступление против человечности	11
Предки Петра	21
Появление на свет и первые годы жизни	36
Преобразователя	
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Е.И. Майорова

Личная жизнь

Петра Великого

Петр и семья Монс

Введение

В последнее время одно из самых упоминаемых в России имен – имя Петра Великого. В 2008 году первый император всероссийский чуть было не победил в телепроекте «Имя России». Откуда такая привязанность к царю, жившему более трех веков назад? Потому что он «железною уздою Россию поднял на дыбы»? «Прорубил окно в Европу»? Разбил шведов под Полтавой? Построил Петербург?

Может быть, это всего лишь результат недостаточной осведомленности о деяниях и личности первого российского императора?

Ведь средний россиянин знал о Великом Реформаторе в основном из изданной в 1785 году на немецком языке книги Якова Штелина «Подлинные анекдоты о Петре Великом, услышанные из уст уважаемых особ в Москве и Петербурге и спасенные от забвения». Штелин был приглашен в Россию

в 1735 году, когда здравствовали еще многие люди, знавшие Петра лично, и была достаточно свежа память о его необыкновенном правлении. Как это всегда бывает, воспоминания молодости, стремление заявить о своей причастности к «деланью» истории заставляли рассказчиков забывать неприглядные страницы былого и с умилением вспоминать только доблестные поступки или забавные происшествия. Услышанные разговоры и рассказы о первом русском императоре Штелин оформил в книгу.

Похожая ситуация привела к изданию доморощенных «Рассказов А.К. Нартова о Петре Великом», которые подготовил сын личного токаря монарха.

Исследования доказали легендарность подавляющего большинства этих рассказов. Их источником стали более поздние известия исследователей жизни императора, подвергнутые значительной литературной обработке публикатора. Можно сказать с уверенностью, что появление этих легенд имело заказной характер.

Память о Петре Великом разошлась на анекдоты – в свое время так называли забавные истории из жизни. Петровские легенды и анекдоты пересказывались во множестве вариантов, чтобы в наши дни сложиться в некую как бы удостоверенную временем и признанную единственно возможной версию.

Но главным признаком анекдотов во все времена являлось то, что они не обязательно были правдивы.

В общественное сознание культ Петра I стал внедряться с 1741 года, когда на престол вступила его дочь, «искра петрова», императрица Елизавета. Она усиленно содействовала формированию образа Петра – созидателя новой России, непобедимого воина и мудрого законодателя, отринувшего все отжившее, мешающее стране двигаться по пути прогресса. Многие новшества, введенные прежними царями, особенно Алексеем Михайловичем и Федором Алексеевичем, замалчивались и как бы передвигались на годы правления Петра I. Так, «во всех делах разрядом не считаться» требовал еще Борис Годунов, в практику российской жизни это начинание ввел царь Федор Алексеевич, а приписано оно Преобразователю Петру.

Екатерина II заказала самому Вольтеру написать историю Петра I, которого провозгласила своим учителем и идейным предшественником. Ею двигало стремление создать государственный миф, в основе которого лежало представление о Петре I как об отце Отечества, завещавшем императрице и свои выдающиеся личные качества, и полномочия на дальнейшие преобразования страны.

Социальную моду на возвеличивание пращура на много лет определил царь Николай I Павлович.

В коллективном парадном портрете первого русского императора, нарисованном в николаевскую эпоху, не было ни одного темного мазка. Это – мудрый царь, справедливый благотворитель, добронравный муж, и у него нет ничего об-

щего с тем бесчеловечным угнетателем, кто разорял подданных, грабил церкви; кто был столь злопамятен, что приказал вырыть – через годы – трупы казненных стрельцов и повесить их на площади заново; кто любовался и пытками собственного сына. Формировался не образ Петра Великого, соединяющего в себе шекспировских Просперо и Калибана, но его культовая модель – важнейший атрибут векового государственного мифа. Петр – мудрый правитель, но не деспот; Петр – строитель нации и ее объединитель; под его десницей новое неизменно побеждает старину во всех ее обликах; Закон торжествует, ограничивая как своекорыстие сановников, так и неумеренную, неуместную «милость к падшим». Стоило Н.В. Кукольникову, до этого обласканному двором, создать в рассказе образ царя народного, как последовал окрик Николая: прашура, как и себя, он видел царем общенациональным.

Для литераторов способом снискать царское благоволение стало подключение к созданию петровского мифа. На этом поприще выступали известные в свое время Е.В. Аладьин, А.П. Башуцкий, К.П. Масальский, П.Р. Фурман и даже декабрист А.О. Корнилович.

Большинству современных россиян Петр I знаком по одноименному роману Алексея Толстого, написанному по госзаказу. Автор, талантливый «красный граф», рисует противоречивую, но сильную личность. Его герой умен, любознателен, бескомпромиссен, целеустремлен, иногда по необхо-

димости жесток, но в душе добр. Замечательный стратег и тонкий политик, человек, тянувшийся ко всему новому, передовому, враг косности и застоя; постоянно пекущийся о благе своей страны, о нуждах ее народа. Где-то даже романтик, преданный коварной Анной Монс, но воспрянувший душой в любви к простой лифляндской девушке Марте Скавронской, не побрезговавший сделать ее своей законной супругой и императрицей. Не пожалевший для России ничего, даже единственного сына, который влек страну назад, в темноту Средневековья.

Получается такой симпатичный, немножко порывистый сорвиголова, но доброе сердце, болеющий за народ.

Подобное впечатление целенаправленно формировала власть.

Не странно ли, что пропаганда Страны Советов подхватила роковой для России государственный миф, сотворенный при участии беллетристов николаевской эпохи. «Самое важное искусство – кино» доносило до народных масс образ «народного» царя, положившего жизнь на алтарь отечества. На художественном фильме, снятом по роману А. Толстого, воспитывались многие поколения советских людей.

Надо отметить, что писатель не закончил свой роман, так что многие «Деяния Петра Великого» остались за кадром. «Красный граф» повторил попытку А.С. Пушкина, который начал, но по мере изучения фактических данных отказался от мысли написать о Петре – так все оказалось тяжело, ужас-

но, отвратительно. Зато многие видели телеэпопею «Россия молодая» (а некоторые читали и неплохую книгу А. Германа) и фильм «Арап Петра Великого», где суровый, но справедливый царь крушит всякую крамолу и строит светлое будущее. Это уже не говоря о всяких псевдохудожественных подделках советского и постсоветского времени, где долго описываются пейзажи, интерьеры, одежда персонажей, вымучиваются их диалоги и придумываются выражения лиц. В них Петр – всем царям царь: прозорливец, мудрый, человечный и справедливый; победоносный стратег и гениальный тактик, действующий как бы по наитию свыше и не совершающий никаких ошибок.

От Петра, перенявшего традиции Ивана Грозного, пошло пренебрежительное отношение к «людишкам», жизнь которых – ничто по сравнению с величием поставленной самовластным правителем цели. Все свершения петровского времени, будь то военные победы, постройка флота, основание Петербурга, реализовались во многом за счет сломанных судеб и стоили России огромных человеческих потерь. Можно и нужно гордиться своей историей, ее выдающимися деятелями, трудолюбием и долготерпением русского народа. Но вряд ли стоит идеализировать монарха, олицетворяющего символ страны, в полном пренебрежении к историческим фактам и реалиям и приписывать странному и жестокому человеку качества едва ли не просвещенного государя эпохи Возрождения.

Не останавливаясь подробно на политической, военной и административной деятельности Петра – на эти темы написано целое море литературы, – интересно рассмотреть его как личность. Каким он был на самом деле? Ведь индивидуальные черты не могут не накладывать отпечаток на деяния каждого человека, тем более государственного деятеля такого крупного масштаба.

Сведения о личной жизни Петра почти незаметно вкраплены в документы того времени, дипломатическую переписку, воспоминания и мемуары. По прошествии стольких лет трудно отделить правду от вымысла. В огромном количестве исследований, посвященных Петру, собственные взгляды и субъективная оценка авторов неизбежно сказываются на интерпретации любого его действия и поступка. В настоящей книге сделана попытка объединить имеющиеся данные в единую картину. И начать следует со времени восшествия на российский престол династии Романовых, которая практически исчерпала себя переломным, длительным и судьбоносным правлением Петра Великого.

Романовы: преступление против человечности

Правящая династия Рюриковичей пресеклась на втором сыне Ивана IV Грозного, болезненном Федоре Иоанновиче. Царствование крепкого, умного Бориса Годунова, причастного к старой династии через брак сестры Ирины с царем Федором, сложилось на редкость несчастливо из-за природной катастрофы – неурожая и трехлетнего голода, постигшего страну. Пришло Смутное время.

Смуте на Руси было положено начало, когда осенью 1604 года с отрядом искателей приключений границу перешел молодой человек, объявивший себя сыном Грозного, царевичем Дмитрием Ивановичем. Шансы его на успех были не очень велики, если бы не внезапная смерть царя Бориса Годунова. Вдова Бориса и его шестнадцатилетний сын царь Федор II были зверски убиты при всеобщем ликовании москвичей, приветствующих нового царя Дмитрия Ивановича.

На русском престоле оказался некто, выдающий себя за младшего сына Ивана Грозного от его седьмого, не признанного церковью брака с Марией Нагой. Мальчик погиб при невыясненных обстоятельствах и был похоронен в 1591 году¹.

¹ До настоящего времени личность человека, называющего себя царевичем

Этот «называемый Димитрием» человек, «странный самозванец», по выражению Н.М. Карамзина, соединил в себе откровенное западничество и вольномыслие с твердым, мужественным характером и патологическим для своего времени отсутствием коварства и жестокости. Он мечтал о свободной торговле, веротерпимости – «Пусть всякий верит по своей совести!» – открытых международных отношениях и создании в Москве университета. К несчастью, по-европейски править ему довелось среди непрерывных заговоров и покушений лишь одиннадцать месяцев. Вскоре после женитьбы Димитрия I на польской аристократке Марине Мнишек 17 мая 1607 года компания придворных и преступников, специально выпущенных из тюрьмы, зверски убила молодого царя. Боярский выдвиженец Василий Шуйский, «старший среди Рюриковичей», который и подготовил этот переворот, не справился с ситуацией. Против него сразу же двинулись отряды Ивана Болотникова с князьями Шаховским и Телятевским и предводителем рязанских служилых людей Прокопием Ляпуновым. Они выступали «за царя Дмитрия» и дошли до Москвы. Некоторое время Шуйского защищал его племянник, талантливый полководец Михаил Скопин-Шуйский, но его усиливающееся влияние внушило дяде и его окружению опасения, и молодой князь был, по всеобщему мнению, отравлен.

Некоторое количество подданных сопредельных стран

приняло участие во внутренних неурядицах русского государства, оставшегося без главы. Их участие имело поначалу сугубо неофициальный характер. Впрочем, и официальное вмешательство со стороны польского и шведского королевств было вызвано столь же официальным приглашением из московской Руси. Шуйский предпочел призвать на помощь шведскую армию под командованием Делагарди, бояре пригласили на царство польского королевича Владислава, а рядом с Москвой, в Тушине, стихийно возник лагерь чудесно «воскресшего» царя Дмитрия, называемого в народе «Тушинский царь», врагами – «Богданко, тушинский вор»², а историками чаще всего Лжедмитрий II. Полтора года на Руси существовали две равноправные столицы: в Москве и в Тушине.

Царь Василий Шуйский был низложен за то, что «оказался несчастлив на царстве», и закончил свою жизнь пленником в Польше.

Если бы не нелепое упрямство Сигизмунда III, желавшего русской короны лишь для себя, а не для сына, идея объединения России вокруг королевича Владислава была бы практически реализована³. Народ с энтузиазмом присягал польскому принцу шведского происхождения, избранному на царство 17 августа 1610 года. Взойди на трон Владислав

² Вор в терминологии XVII века – государственный изменник, в отличие от татя – вора в современном значении.

³ Воцарение Владислава исключало личную унию России и Польши.

Ваза, Смута могла кончиться раньше на три года. Тушинский же вор заботился только об удовлетворении собственных алчности и амбиций.

Трон пустовал. После 15 ужасных лет Смуты русская земля, измученная и разоренная, хотела мира и покоя. Олицетворением умиротворения, успокоения, надежды на лучшую жизнь должен был явиться новый царь, мудрый и справедливый. Представление о необходимости выбора царя было очень ярко выражено во всех сословиях.

Вариантов было два: избрать царем русского человека или же иностранного принца. Земский собор вынес единогласное решение: «Литовского и шведского королей и их детей не избирать, потому что литовский король Московское государство разорил, а шведский король Великий Новгород взял обманом».

Несмотря на то что Иван Грозный истребил огромное количество знати, в отечественных претендентах недостатка не было: князя Мстиславский, Воротынский, Трубецкой, Голицын – представители знатных родов, потомки Рюрика, Гедимины...

Рюрикович Мстиславский от трона отказался; самый сильный по знатности и одаренности претендент на престол князь В.В. Голицын находился в польском плену. Его соратник Ф.И. Шереметев, объясняя свою поддержку претенденту на царство, писал: «Миша Романов молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден». Молодость и податливость

Михаила, «тихого и неспособного по природе», да еще наличие отца Филарета, способствовали этому выбору. Древние княжеские роды, безусловно, имели больше прав на корону, чем сын племянника жены Ивана Грозного. «Предпочли юношу, почти безродного; но сей юноша, свойственник царский, имел отца мудрого, крепкого духом, непреклонного в советах, который должен был служить ему пестуном на троне и внушать правила твердой власти», – объясняет Н.М. Карамзин. Федор Никитич Романов в свое время был соперником Бориса Годунова, который, победив, заставил его принять постриг под именем Филарета; поэтому он не мог быть избран на царство. Но из Ипатьевского монастыря, ставшего домом Романовых, он влиял на московскую политику до тех пор, пока поляки не захватили его и не отправили в Польшу. Вернулся в Москву он только в 1618 году.

Те элементы правового государства, которые присутствовали в крестоцеловальной записи Василия Шуйского или в договорах о приглашении на русский престол королевича Владислава, оказались похоронены, и Россия вернулась к восточному деспотическому правлению Ивана III. «Князья московские учредили самодержавие; Отечество даровало оное Романовым», – как всегда, высокопарно писал наш великий летописец в «Истории государства Российского».

Однако, чтобы перевернуть последнюю страницу в истории смутного времени, партии власти предстояло окончательно решить проблему возможных соперников семнадца-

тилетнего царя, наследника скромной фамилии.

Чудом спасшаяся во время убийства Дмитрия, коронованная русская царица Марина Мнишек являлась одной из замечательных женщин русского средневековья. Покинутая родственниками и соотечественниками в чужой стране, она стала «делать жизнь» собственными руками. Законным образом Марина обвенчалась со вторым Самозванцем, «Тушинским царем». В январе 1611 года она родила мальчика, царевича Ивана. У него, как у сына законной царицы, которую никто никогда не лишал права на корону, были вполне реальные права на русский трон. Царица предложила кандидатуру своего сына при выборе нового царя. Романовы этого не забыли.

Когда был убит и второй ее муж, Марина нашла опору в самом знаменитом казачьем атамане того времени Иване Заруцком. Отчаянный казак был верен Марине и ее сыну до конца.

Новый царь Михаил Романов стремился заполучить царицу с сыном во что бы то ни стало. Заруцкий с Мариной отступили на Дон, но казаки отказали в помощи своему атаману. Постоянно преследуемые царскими войсками, беглецы устремились к Волге и на некоторое время приобрели власть над недавно подчиненной Москве Астраханью. Но и здесь их настигла крепнущая рука нового правительства. Заруцкий доверился одному из своих самых преданных соратников, который и выдал их врагам.

Смута закончилась, когда их наконец взяли на Медвежьем острове посреди реки Яик: царицу Марину Юрьевну с трехлетним сыном Иваном Дмитриевичем и вместе с ними их верного защитника Ивана Заруцкого.

Пленников отправили в Москву к новому государю Михаилу Романову под охраной 500 стрельцов, которым было приказано при попытке отбить арестованных немедленно их уничтожить.

Заруцкого после пыток посадили на кол. Однако не казнь лихого атамана была целью многочисленных военных экспедиций: все хитроумные маневры проводились ради захвата трехлетнего ребенка, царевича Ивана.

Убийство детей, которые могут вырасти и предъявить претензии на наследство своих родителей, – нередкое дело во время феодальных распрей. Не совсем обычно, что казнь малолетнего ребенка была устроена публично, словно радостный народный праздник.

«Многие люди, заслуживающие доверия, видели, как несли этого ребенка с непокрытой головой на место казни. Так как в это время была метель и снег бил мальчику в лицо, то он несколько раз спрашивал плачущим голосом: «Куда вы несете меня?» Но люди, несшие ребенка, не сделавшего никому вреда, успокаивали его словами, доколе не принесли его на то место, где стояла виселица, на которой и повесили несчастного мальчика, как вора, на толстой веревке, сплетенной из мочал. Так как ребенок был мал и легок, то этою

веревкой по причине ее толщины нельзя было хорошенько затянуть узел, и полуживого ребенка оставили умирать на виселице», – рассказывал очевидец Э. Геркман.

Сторонники Романовых пытались убедить всю страну, что царевич вовсе не был царевичем – сын самозванца, «тушинского царя» якобы не имел никаких законных прав на престол. Но сам характер его публичной казни в Москве, за Серпуховскими воротами, свидетельствовал о том, что для новой династии он был более чем реальным соперником. Только убивая его «всенародно», Романовы могли в какой-то степени уберечь себя от воскресших «царевичей Иванов», то есть от того, что пришлось в свое время пережить Борису Годунову.

Даже в начале XVII века существовало такое явление, как международное мнение, с которым нельзя было не считаться. Для ответа на провокационные вопросы иностранцев наши дипломаты получили от правительства повеление говорить следующим образом: «И Ивашко Заруцкий за свои злые дела, и Маринкин сын казнен, а Маринка на Москве от болезни и с тоски по своем выbleдке умерла».

В средневековой Европе, не отличавшейся мягкостью нравов, в этот период ни одной казни малолетнего ребенка зафиксировано не было. Сажание на кол тоже не практиковалось. В своей жестокости Россия пошла по пути восточных деспотий.

Не было такого проклятия, которого, умирая в застенках

московской тюрьмы, не послала бы своим мучителям и убийцам сына царица Марина Мнишек.

Однако расчет Романовых на уничтожение соперника оправдался не вполне.

Мало того что подьячий Тимофей Анкундинов объявил себя сыном покойного царя Василия Шуйского и, разъезжая по чужим странам, просил «потентатов» о помощи для возвращения «отчего» престола и создавал множество неудобств молодому царствующему дому. Один польский шляхтич, присутствовавший при казни Заруцкого и «воренка», попытался выдать за несчастного замученного ребенка сына своего погибшего друга Дмитрия Лубы, Фаустина. Он отвез мальчика в Польшу и здесь всенародно объявил сыном Марины Мнишек, внуком Иоанна Грозного. Король Сигизмунд и паны отдали «царевича» на воспитание Льву Сапеге и назначили ему содержание в 6000 злотых. По мере урегулирования польско-русских отношений нужда во «внуке Иоанна Грозного» сходилась на нет, соответственно уменьшалось и его содержание; теперь эта сумма не превышала 100 злотых. Фаустин Луба жил в монастыре и изъявлял желание стать ксендзом. Но в Москве о нем не забыли. Правительство Михаила Романова упорно требовало и, в конце концов, добилось выдачи уже тридцатилетнего Ивана-Фаустина Лубы. В Москву он был привезен осенью 1644 года, в те дни, когда смертельная болезнь поразила первого царя из дома Романовых. Поляки просили царя Алексея Михайловича не лишать

Лубу жизни, обещая, что он никогда не будет выдвигать претензий на русский престол. Однако скоро в Москву дошли слухи, будто его по-прежнему величают «царевичем». Это вызвало резкое недовольство российского двора.

Как закончил свою жизнь самозванный царевич, в точности неизвестно. По одним сведениям, он погиб в стычке с крымскими татарами, по другим – умер в монастыре; словом, просто растворился в сумерках истории.

Правление новой династии началось с трагедии. Может быть, поэтому она так рано пресеклась в своем мужском колене – в 1730 году со смертью императора Петра II. Еще 10 лет правила Анна Иоанновна Романова. Затем престол перешел к Гольштейн-Готторпскому княжескому дому через старшую дочь Петра Великого Анну. Но правители, отрицая очевидное, продолжали называть себя Романовыми, принимая вместе с именем груз вины династии. Видится пугающая закономерность в том, что дом Романовых, выйдя из стен Ипатьевского монастыря, начал правление злодейским убийством ребенка, и таким же злодейским убийством спустя триста лет его правление завершилось в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. И все эти годы убийства следовали одно за другим. На счету династии накопилось множество тайн, иногда страшных, иногда постыдных, часто так и не разгаданных.

Некоторые из них тревожат воображение потомков до наших дней.

Предки Петра

Чтобы ни говорили в советское время, как бы ни старались вытравить память о предках, происхождение во многом определяло характер, пристрастия и предпочтения, да и сам жизненный путь человека.

Родословная царя Петра I Романова никогда широко не обсуждалась, и его царственное происхождение редко подвергалось сомнению. Однако династическое наследование в эпоху средневековья считало очень важным легитимность представителей рода, претендующего на верховную власть.

Кто же такие были Романовы?

Братья Захарьины – Яков, Юрий и Василий – были внуками знаменитого московского боярина Федора Кошки, сына выходца из Пруссии Андрея Кобылы. Федор Кошка, любимец Дмитрия Донского, стал родоначальником многих дворянских родов. Внучка его Мария Федоровна была выдана за князя Ярослава Владимировича, сына героя Куликовской битвы Владимира Андреевича. В этом браке у них была дочь Мария, которая впоследствии стала женой Василия Темного и матерью Ивана III. Известно, что Мария Ярославна была единственным человеком, способным заставить Ивана III отказаться от своих решений. Лишь после ее кончины он стал жестоко расправляться со своими братьями.

Все три брата Захарьины славились храбростью и гордо-

стью, подобно их деду Ивану Федоровичу Кошкину. Не имея княжеского титула, они не считали себя ниже Рюриковичей или Гедиминовичей. Внучка Юрия стала супругой Ивана IV, а ее сводный брат Никита – главой боярского правительства. Пятеро сыновей Никиты Романовича Захарьина стали называть себя Романовыми. Правнук Михаил Романов 11 июля 1613 года, за день до своего семнадцатилетия, был коронован на царство в Успенском соборе митрополитом казанским Ефремом. Страна присягнула новому царю и его детям – не более.

2 мая первый царь новой династии, сопровождаемый всем мужским населением столицы, вступил в Москву. Никаких выдающихся достоинств в нем не наблюдалось. Его род не был особенно знатен, сам он не проявил себя никоим образом в силу юного возраста. Его права на престол зиждились на родстве с Анастасией Романовной – первой и любимой женой Ивана Грозного. От ее сводного брата и пошел правящий дом Романовых. Скорбный разумом сын Анастасии царь Федор был Михаилу двоюродным дедом. Даже Тюдоры в Англии, считавшиеся выскочками, были в более близком, кровном по женской линии, родстве с царствующим домом.

Впоследствии пропаганда Романовых старалась вложить в разум подданных идею о завещании царя Федора Ивановича: якобы на смертном одре он передал корону двоюродному брату Федору Романову. За это узурпатор Годунов приказал постричь боярина в монахи. Не принято упоминать, что Фе-

двор Романов был возведен в сан митрополита Дмитрием I, а чин патриарха был ему дарован «Тушинским вором».

Мать Михаила, великая старица Марфа (в миру – княжна Аксинья Ивановна Шестова), сильно противилась возведению сына на трон – после насилий, учиненных в отношении прежних царей, она боялась потерять своего единственного оставшегося в живых ребенка. Надо сказать, что в роду Романовых детская смертность была очень высока. Пятеро детей Федора и Аксиньи умерли до смерти родителей: сыновья – во младенчестве, дочь – совсем молодой.

Помазанным царем считался Михаил, но долгое время для принятого протокола официальных бумаг использовалась необычная подпись: «Великие государи Михаил и Филарет». Слишком долго и упорно рвался Федор Романов к власти, чтобы уступить ее даже сыну. Это он, по сути, правил огромной державой, превосходя сына своеволием, умом, тщеславием и дипломатическими способностями. В конце жизни он решился даже на союз со шведами для войны с Польшей, но кампания завершилась тяжелым поражением русской армии. Только загадочная гибель шведского короля спасла Россию.

После четырнадцати лет управления страной и русской православной церковью Филарет скончался 1 октября 1633 года.

А «царь Михаил Федорович хотя самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего».

Чтобы не допустить новой смуты, требовалось обеспечить преемственность молодой династии. Вопрос о царском браке волновал не только фамилию Романовых и двор, но и все государство. Инокиня Марфа выбрала в жены сыну Марью Ивановну Хлопову. Она взяла ее на житье в свой терем, и скоро девушку стали величать царской невестой. Но милостивое отношение к ней Михаила и возвышение ее родственников вызвало зависть тогдашних дворцовых фаворитов Салтыковых. Стоило Марье захворать, они тут же объявили ее порченой, неизлечимо больной и отправили в ссылку. Подсунуть государю «порченную» невесту считалось государственным преступлением. Через некоторое время Филарет пересмотрел это дело, и девушку снова стали звать царевной, а Салтыковых сослали. Но теперь Марфа не желала этого брака: она возненавидела Марью из-за опалы своих любимцев.

Из-за всех этих интриг царь первый раз женился только в двадцать девять лет и не по зову сердца, а по велению строгой матери. Однако попытка привить к новому дереву царственную лозу провалилась: первая супруга Михаила Мария Долгорукая, Рюриковна, умерла, не прожив и года. Зато вторая его жена Евдокия Лукьяновна Стрешнева, дочь незнатного дворянина, которую царь выбрал на смотринах сам, крепко любила мужа, подарила ему множество детей и пережила его всего на один месяц.

В семье Михаила Федоровича мальчики не заживались.

Но родители любили и царевен-дочерей. Ходили слухи, что Михаил Федорович ушел из жизни слишком рано, не пережив несостоявшегося замужества любимой старшей дочери Ирины Михайловны. Не поддался приехавший в Москву из-бранник – датский королевич Вальдемар ни на какие посулы. Невесту ему не показывали, но божились, что она благонаравна, добродетельна, пьяной не напивается. Нищий нищим, а не согласился датчанин менять веру. Он с увлечением гонялся по густым подмосковным лесам за зверьем, завел любовницу, а в царский дворец вовсе перестал ходить. Более того, попытался бежать на родину, но его поймали и возвратили в Москву.

С браком младшей царевны Татьяны Михайловны и не затевались, зато она имела свои интересы и увлечения, прежде всего живопись, которой ей разрешил заниматься сам патриарх.

Царь Михаил скончался в ночь с 12 на 13 июля 1645 года, оставив по себе память как об очень мягком и добром человеке, милостивом к окружающим его людям.

Вещественные следы правления Михаила Федоровича – Земляной вал, нынешнее Садовое кольцо, окруживший за 1633—1640 годы весь город, стены Новоспасского и Симонова монастырей, Гостиный двор в Китай-городе и многочисленные постройки в Кремле.

Алексей, единственный из оставшихся в живых сыновей Михаила Романова, вступил на престол в том же возрасте,

что и его отец. Однако воспитание, привитое ему Борисом Ивановичем Морозовым, развило его ум и природные способности. Кроме того, родившись в царском дворце, он ощущал себя полноправным наследником трона и державы.

Современники отмечали его живость, восприимчивость, впечатлительность, пристрастие к церковным делам, но также раздражительность и гневливость, которые, впрочем, скоро проходили.

Он с почетом проводил датского королевича восвояси и перестал думать об иноземных женихах для сестер.

Его собственный брак был обставлен в соответствии со старыми обычаями: устроен всероссийский смотр невест.

Юный царь сразу выбрал дочь касимовского дворянина Руфа Всеволжского Ефимию и не хотел никого другого. Ее кандидатура категорически не устраивала воспитателя царя, боярина Морозова. Он употребил всю силу убеждения, чтобы расстроить этот союз, но податливый во всех других делах Алексей в вопросе о собственной женитьбе оставался непреклонен. Ефимия была взята во дворец и наречена царевной. Морозову пришлось пойти на крайние средства: термные боярыни, заплетая царевне косу, сильно перетянули волосы. От боли девушка лишилась чувств. Ее объявили «порченной» и, как водится, вместе со всей семьей отправили в ссылку в глухомань. Чтобы утешить расстроенного воспитанника, Морозов предложил ему на выбор двух сестер Милославских.

Характерно, что во многих российских родословиях дом Милославских не упоминается вообще. Другими словами, царствующая династия постаралась искоренить память о высоком происхождении первой жены Алексея Михайловича, чтобы не возникало нежелательных сравнений с очень скромным происхождением его второй супруги. Милославские происходили от знатного литовского выходца Вячеслава Сигизмундовича, прибывшего в Москву в свите Софьи Витовтовны, невесты великого князя Василия Дмитриевича. Его внук Терентий Федорович принял фамилию Милославский. В роду Милославских были воеводы, бояре, один из них стал сибирским наместником.

Алексей выбрал старшую сестру Марию. Морозов утаил, что она на пять лет старше царя. 16 января 1648 года сыграли царскую свадьбу.

А боярин Морозов женился на младшей Милославской, Анне, годящейся ему по возрасту во внучки, и в одночасье стал свояком царя – на этом и строился весь расчет.

Молва приписывала Марии Милославской умение колдовать. Ходили слухи, что вместо левой ноги у царицы раздвоенное копыто – проявление ее нечеловеческой сущности. Такой причиной объясняли суеверные россияне исключительную привязанность, которую, как считали, царь на протяжении всех двадцати лет брака испытывал к жене. С другой стороны, поговаривали, что Мария очень старалась, но никак не могла угодить супругу: все ему было не так; видно, не

мог забыть первую любовь.

Морозову Алексей Михайлович не простил интриги по устранению любезной ему Всеволжской и навсегда отдалил от себя. По-видимому, Ефимию он действительно помнил и сразу после свадьбы распорядился Всеволжских из ссылки освободить. Отца девушки царь назначил воеводой сначала в Верхотурье, затем в Тюмень. Но долго порушенная невеста не прожила – после позора и бесчестья отпущено ей веку было всего десять лет.

Алексею Михайловичу был необходим человек, к советам которого он бы прислушивался и на которого мог всецело положиться.

Еще в 1646 году он познакомился с архимандритом Новоспасского монастыря Никоном. Пораженный сильным, страстным характером этого энергичного и волевого человека, царь оставил его при себе, несмотря на то что тот был простой волжский мужик – «в миру мордовский крестьянин Никита Минов».

С 1651 года влияние Никона на царя стало полным и неоспоримым. Он получил сан митрополита. Этот крутой нравом священнослужитель сумел силой убеждения подвести под свою руку вечно колеблющегося царя.

Через год, 25 июля 1652 года, митрополит был «без жеребья» посвящен в патриархи, другими словами, стал главой российской церкви. Но он принял власть при условии «еже во всем его послушати и от бояр оборонить и его волю ис-

полнять». Алексею Михайловичу пришлось обещать, что отныне он не будет вмешиваться в дела церкви и духовенства. Никон умело направлял стремления царя на дела военные, поскольку в отсутствие государя патриарх становился единственным главой государства Московского.

Никон начал церковные реформы. Они, в общих словах, заключались в проведении богослужения по греческому образцу вместо древнерусского. Крестное знамение следовало теперь творить не двумя, как раньше, а тремя перстами. У Никона была почти болезненная склонность все переделывать и переоблачать по-гречески, как у Петра впоследствии страсть всех и все переодевать по-немецки или по-голландски.

Когда была напечатана первая исправленная Никоном книга «Служебник церковный», народ с любопытством стал ее читать. Она понравилась далеко не всем. Те, кто отринул идеи Никона, отмежевались от тех, кто одобрил исправления.

Произошел церковный раскол.

Притягательная и обаятельная для масс сила противников Никона заключалась в том, что они являлись борцами и защитниками родной, попираемой Никоном старины, борцами, как сказали бы теперь, за русскую самобытность, которой угрожало гибелью введение иностранных новшеств. Отделившиеся, назвавшись православными староверами, или раскольниками, настолько не переносили своих прежних

братьев по вере, что даже не желали есть и пить с ними из одной посуды, не ходили в церкви, где служили по новым книгам, не слушали священников тех церквей.

Царь принял сторону Никона.

Но когда патриарх заявил, что власть церковная выше власти светской и попытался взять на себя функции государя, между Никоном и царем произошел разрыв. Никон желал или все, или ничего. Он отказался от сана, не добившись так манившего его слепого послушания монарха, и демонстративно удалился в Воскресенский монастырь, надеясь, что царь его вернет. Но этого не случилось.

Царь хотел править самовластно, хотя его власть имела пределы.

Страшным потрясением для него оказалось общение с собственными подданными во время Соляного бунта. Тогда ему, помазаннику божьему, чтобы спасти собственную жизнь, пришлось выдать на растерзание толпе близких ему людей: Леонтия Плещеева, Назария Чистого, Петра Траханиотова.

Еще более мучительные воспоминания вызывали события Медного бунта, когда 25 июля 1662 года толпы людей двинулись к царю в Коломенское. Выпуск новых денег всколыхнул всю Москву, замена серебра медью разорила слишком многих. Толпа потребовала разговора с государем, и Алексею Михайловичу пришлось бить по рукам в подтверждение своего обещания выполнить все требования. Царя

держали за платье, за пуговицы, есть сведения, что его «валяли». Толпа не обратила внимания, что разговоры тянулись слишком долго – к Коломенскому успели подойти стрелецкие полки. Посадские люди были полностью разгромлены: одни убиты, другие потоплены в Москве-реке, третьи искалечены, а остальные разогнаны.

В царствование Алексея Михайловича пришла на Русь «черная смерть» – моровое поветрие, унесшее едва ли не половину жителей страны.

В марте 1669 году умерла горячо любимая жена Мария Милославская, родившая ему шесть дочерей и пять сыновей. Казалось, с таким количеством потомков мужского пола будущее династии обеспечено. Но старший сын Дмитрий умер сразу после рождения. Наследником был объявлен второй по старшинству царевич Алексей, который тоже прожил недолго. В год смерти матери скончался третий сын, Семен. В живых остались царевичи Федор, мальчик умный и интеллектуально развитый, и Иван, который с физической немощью соединял определенные странности поведения, что давало основания заинтересованным лицам обвинять его в умственной недоразвитости. Выжившие дочери – Екатерина, Федосья, Марфа, Мария и Софья на здоровье не жаловались.

На парадных портретах Алексея Михайловича этого времени мы видим приветливо-благодарное, хотя и не слишком красивое лицо с легкой полуулыбкой, спрятавшейся в темно-русой бороде, румяные щеки, голубые глаза – мужчи-

на в соку.

Овдовев, царь решил вступить в новый брак. Были назначены смотрины – претенденток в царицы представили царю. Эта процедура напоминала современные российские выборы: девушки соответствующим образом готовились, родители лелеяли радужные надежды на собственное возвышение через дочерей, а результат был заранее предreshен.

Избрана должна была быть двадцатилетняя Наталья Кирилловна Нарышкина, воспитанница личного друга царя, думного дворянина, главы Посольского и Аптекарского приказов Артамона Сергеевича Матвеева, весьма влиятельного, хотя и неродовитого человека.

Однако случилась неожиданность: Алексею Михайловичу сильно приглянулась незнатная сирота Авдотья Беляева. Дело с женитьбой застопорилось. Напрасно Матвеев и его сторонники с возмущением указывали государю на недопустимо худые руки девушки – он готов был смириться даже с этим недостатком. Пришлось задействовать некрасивую интригу, скомпрометировавшую дядю сироты-невесты и достигшую цели: Беляеву с дядей удалили из дворца и сослали в деревню.

В январе 1671 года царь заявил о своем желании взять в жены Наталью Нарышкину.

Что же представляла собой та женщина, которой выпало на долю стать матерью Петра Великого?

Согласно легенде, проезжая через одно рязанское селе-

ние, Артамон Матвеев увидел девочку-подростка, неутешно рыдающую у дороги. Тронутый ее горем он спешился и узнал, что она оплакивает «рабу, которая удавилась». Такое живое проявление чувств побудило Матвеева принять участие в судьбе девочки и взять ее к себе на воспитание. Матвеев был человек европейского склада, приверженный передовым и свободным взглядам, к тому же женатый на иностранке шотландско-датского происхождения Евдокии Гамильтон. Супруга Матвеева позволяла себе дома носить европейское платье и свободно разговаривать с гостями-мужчинами. Воспитанница Наталья, поселившаяся в доме Матвеевых на положении полуслужанки-полукомпаньонки, не слыла затворницей, подобно другим московским девушкам, и, по видимому, сумела привлечь Алексея Михайловича приятным обхождением, живостью и веселостью, словом, непохожестью на традиционно скромную, почти бессловесную обительницу терема.

По крайней мере, такова общепринятая версия событий.

Непреодолимая страсть вовсе не поразила царя, как молния, он отнюдь не впервые увидел невесту на смотринах, а был давно и близко с ней знаком.

Многие осуждали брак царя. Считалось, что первая жена от Бога, вторая – от дьявола. Бестрепетная боярыня Федосья Морозова, известная своим мученичеством и трагической судьбой, плюнула гонцу на сапог, когда Алексей Михайлович послал звать ее на свадьбу. Тем самым она выска-

зала осуждение царю и унизила Нарышкину.

Сейчас трудно понять, почему второй брак государя вызывал такое кипение страстей. Ведь многие великие князья и цари женились вторично; Мария Тверская была третьей женой Симеона Гордого, Софья Палеолог – второй супругой Ивана III; Иван Грозный своим женам счет потерял, его сын Иван Иванович трижды вступал в брак; царя Федора Ивановича прямо-таки заставляли развестись с Ириной Годуновой и снова жениться...

Может быть, все дело было в происхождении Натальи Кирилловны Нарышкиной?

Не крылась ли здесь какая-то тайна?

Современная исследовательница Раиса Слободчикова, считающая себя потомком Нарышкиных, провела генеалогические изыскания корней своего рода, которые выявили неожиданные факты.

В 1391 году литовский князь Витовт выдал замуж свою дочь Софью за Василия, наследника Дмитрия Донского. Обоз с приданным Софьи сопровождал некий Нарышко. Он был караимом, то есть евреем, чьи предки разошлись с ортодоксами. Караимы не признавали Талмуд и следовали Пятикнижию Ветхого завета. Большое количество караимов удалилось от своего племени и поселилось в Крыму, где они служили крымским ханам. Во время союза Витовта с крымскими татарами многие караимы перешли к нему на службу.

В Московии Нарышко вскоре принял Православие и по-

лучил фамилию Нарышкин. Видные историки-геральдисты – А.А. Васильчиков, А.Б. Лобанов-Ростовский⁴ – упоминают представителей семьи Нарышкиных на служилых должностях, причем отмечают их происхождение от древнего караимского рода, более знатного, чем Романовы.

Но со времен Дмитрия Донского много воды утекло. Живя среди россиян, Нарышкины вступали в браки с русскими девушками и полностью ассимилировались. Так, матерью царицы Натальи была Анна Леонтьевна, урожденная Леонтьева. Однако если даже сейчас вспоминаются «татарские» глаза Натальи Кирилловны, можно представить, как были распалены страсти современников!

Придворный мир разделился на две враждебные партии, поскольку каждая из жен Алексея Михайловича привлекла ко двору свою родню и друзей.

Тем временем необразованная, но отнюдь не бесхитростная царица Наталья быстро утвердилась во дворце, оттеснив на задний план все остальное царское семейство.

⁴ Отмечается караимское происхождение также родов Апраксиных и Матюшкиных.

Появление на свет и первые годы жизни Преобразователя

Согласно легенде, ученый Симеон Полоцкий, который был сведущ и в астрологии, поведал Алексею Михайловичу, что его молодая супруга зачала мальчика, которому суждено вырасти выдающимся человеком; он станет великим воином и победит многих врагов, заслужив такую славу, какую не имел никто из русских царей; искореняя злодеев, он будет любить трудолюбивых, сохранит Христову веру и совершит много других славных дел.

Как похоже это пророчество на предсказания необыкновенного будущего какого-нибудь европейского властителя, впоследствии совершившего великие деяния!

Царю так требовалось высшее одобрение: он тяжело переживал страшное восстание Степана Разина, а мучительная казнь бунтовщика отнюдь не внесла успокоения в его душу. И знак высшего одобрения был ему ниспослан.

В следующем году, 30 мая, Наталья родила сына Петра. До сих пор для историков остается загадкой, где родился будущий Преобразователь. Документальные данные о месте его рождения отсутствуют. Теоретически это могло быть либо Коломенское, либо Преображенское.

Роды были очень тяжелые и затяжные. На третьи сутки

царицу причастили. Видя мучения молодой жены, Алексей Михайлович призвал Симеона, который успокоил будущего отца, обещав, что ребенок появится через пять часов. Когда наступил пятый час, астролог пал на колени и стал молиться, чтобы роды продлились еще часок. Возмущенному царю, желавшему, чтобы мучения жены поскорее закончились, он объяснил, что, ежели ребенок появится в первые полчаса, веку его будет пятьдесят лет, если же во второе полукасие – доживет до семидесяти.

Симеон не сильно рисковал, давая такие предсказания, – страдающий ожирением царь вряд ли сумел бы их проверить. Но в этот момент на свет появился тот, кому суждено было стать Петром Великим.

Младенец родился крепеньким, здоровым, с материнскими черными «татарскими» глазами и очень похожий на дядьев Нарышкиных.

На радостях царь устроил пышный пир. На накрытых столах красовались сахарный кремль, лебедь, гусь и орел, большие фляги были наполнены хмельным медом, рекой лились редкие заморские вина. Великий государь из своих рук жаловал всех гостей водкой, ее закусывали коврижками, яблоками, имбирем, цукатами и другими лакомствами.

Относительно того, был ли ребенок действительно сыном царя, существуют разные мнения.

В народе ходили упорные слухи, что Петр – не «природный» сын Алексея Михайловича.

Многие замечали, что считать Петра «не настоящим» Романовым были серьезные основания. Тот совсем не напоминал своих царственных предков и разительно отличался от низеньких и полных Романовых высоким ростом, смуглым лицом, живыми черными глазами, большой физической силой и взрывными реакциями. А дети Алексея Михайловича от Милославской росли типичными Романовыми – маленькими, упитанными, психологически стабильными. Но высокий рост, холерический темперамент и чрезмерную импульсивность могла передать сыну Наталья Кирилловна. Многие историки описывают ее как рослую и статную красавицу, с густыми темными волосами и прекрасными черными глазами. На портрете неизвестного художника, который принято считать изображением Натальи, мы видим женщину несколько восточной внешности – черноглазую, с крупным носом.

Что необычного в том, что сын похож на мать?

А. Труайя намекает, что отцом Петра мог быть патриарх Никон. Этот высокий черноглазый властный человек якобы увивался за красивой молодой царицей. Но смелое предположение писателя опровергает простая хронология. Поборник новых обрядов разошелся с царем и был отослан в дальний монастырь еще в 1666 году. Так что он вряд ли мог быть отцом царевича, родившегося шесть лет спустя⁵.

⁵ Однако значительно позже раскольники, не желая подчиняться Петру и называя его воплощением Антихриста, утверждали, что его отцом был патриарх

К появлению на свет Петра считали причастным и субтильного энергичного постельничего Тихона Стрешнева, и конюха Мишку Доброго, и (особенно!) двоюродного брата Натальи Кирилловны Петра Нарышкина, а также многих других «молодцов».

Известно, что Петра чрезвычайно волновал вопрос о его происхождении. Войдя в возраст, он стремился узнать, кто мог быть его настоящим отцом, и при этом использовал простые и действенные методы. Но даже вздернутый на дыбу для добывания правды о любовниках Натальи Кирилловны Тихон Стрешнев прокричал лишь, что «много их было». Полагали, что перед смертью сын заставил тяжелобольную женщину открыть ему свою тайну – если она существовала на самом деле.

Не опускаясь до обсуждения возможных вариантов адюльтера, можно упомянуть еще одну версию, выдвигаемую в последнее время.

Начиная с самого детства рядом с Петром находился человек незаурядный – князь Федор Юрьевич Ромодановский.

Ромодановские происходили из старинного рода князей Стародубских. Их предок князь Федор, представитель тринадцатого колена от Рюрика, прозванный Благоверным, был убит в Орде в 1330 году. Фамилия относилась к Рюриковичам «второй руки», но считалась гораздо знатнее Романовых. Отец Федора Юрьевича, князь Юрий, пользовался осо-

бой благосклонностью и доверенностью Алексея Михайловича; считался его любимцем, «премьер-министром», возглавлял Пушкарский приказ, был воеводой в Казани. Он сыграл большую роль в разрыве монарха с патриархом Никоном и был послан в Успенский собор объявить патриарху гнев царя за то, что тот «писался великим государем».

Фамилия Ромодановских на протяжении нескольких столетий давала России бояр, полководцев, крупных администраторов.

Федор Юрьевич вырос во дворце и в молодости был очень хорош собой. Согласно разрядным книгам, он числился «комнатным стольником» Алексея Михайловича, и практически являлся членом царской семьи. Он был способным полководцем и разбил под Чигирином турецкую армию Каплан-паши.

Петр называл Ромодановского «князем-кесарем», «величеством», а себя по отношению к нему именовал «холопом и последним рабом». Князь-кесарь правил Россией во время Кожуховского похода, Великого посольства Петра за границей, затянувшегося на полтора года, управлял Москвой, Преображенским приказом и при нем Тайной канцелярией – царской службой безопасности с правом производить в чины и другими очень широкими полномочиями. Дочь Ромодановского Феодосия имела право носить титул «великой цесаревны».

Петр почти до конца его жизни сохранил за Ромода-

новским всю внешнюю, представительскую сторону царской власти, продолжая величать его письменно и в личном обращении царским титулом и строго требуя того же от остальных. Многих удивляло, что, представитель не слишком знатной фамилии, Петр так рисковал, доверяя Федору Юрьевичу – Рюриковичу – и власть, и трон. Безусловно, в основе такой длительной и непреходящей привязанности Петра к Ромодановскому скрывалась какая-то тайна.

Сохранилось несколько изображений князя-кесаря. Одно – в старорусском кафтане поверх легкого шелкового платья, с длинными, заложенными за уши волосами и такими же длинными, по польской моде, усами. Другое – в горностаевой мантии и латах, как того требовала в отношении царственных особ западноевропейская традиция. Действительно, на портретах Федора Юрьевича и Петра просматривается несомненное сходство.

Ромодановский – настоящий отец Петра?

Однако как совместить это со стремлением сделать предполагаемого отца шутом на девятом десятке?

Но даже если, как полагает Иван Крылов⁶, Петр и был сыном Ромодановского, это никак не умаляет его достоинства как государя.

И еще один факт в пользу законности происхождения Петра. Когда время охладило страсти и поменяло политические приоритеты, в 1698 году его старшая сводная сестра

⁶ Крылов И. Кесарю – кесарево! // Культура. № 28. 2009.

царевна Марфа, измученная цингой и бедностью, заточенная братом в монастыре Александровской слободы, писала: «хоть и есть я неведомо где, да я того же отца дочь, такая же Алексеевна». Опальной царевне нечего было терять, не на что надеяться; она, чтобы уязвить своего притеснителя, могла бы высказать сомнения в «подлинности» сына Нарышкиной, но нет, она косвенно опровергает слухи о внебрачном происхождении сводного брата.

Итак, следуя правилу практичных французов: «муж матери – отец ребенка», считаем Петра сыном дома Романовых.

Алексею Михайловичу оставалось позаботиться, чтобы нищая царицына родня не позорила своей скудностью царский обиход. Кирилл Полуэктович Нарышкин получил один за другим чины думного дворянина и боярина, а вместе с ними и щедрой рукой наделенные вотчины. Ждали его и большие богатства, и высшие государственные должности.

Краеведы любят рассказывать о частых визитах царя с молодой женой к тестю, о том, как сразу же начали привозить счастливые родители к бабушке и дедушке Анне Леонтьевне новорожденного Петра в село Семчино. Эта идиллия давно уже приобрела статус истины. Но вот незадача – согласно документам, при жизни Алексея Михайловича отец царицы Натальи Семчиным не владел и купил его уже после смерти зятя, опасаясь, что все дареные вотчины новые правители у него отберут.

После женитьбы на Наталье Кирилловне любимым ме-

стом пребывания царя становится село Преображенское – подальше от откровенно осуждающих отца детей от первого брака. Оно находилось на Яузе всего в семи верстах от Московского Кремля. С запада к нему примыкало широкое Сокольническое поле, за которым раскинулось большое село Красное у Красного пруда (теперь это площадь трех вокзалов). У бывшей Сокольничьей заставы был устроен Сокольничий двор, и жили в особой слободе царские сокольники. К северу, за Красным прудом, простирался обширный лес, в старину – Лосиный остров (теперь это парк Сокольники).

На северо-востоке от Преображенского располагалось село Измайлово с великолепными садами и царскими огородами, исконная вотчина бояр Романовых. За Преображенской заставой к Измайлову примыкало старинное село Черкизово, а при впадении в Яузу у речки Сосенки, напротив Покровского, стояло село Семеновское.

В одной версте ниже по Яузе покровского находилась обширная немецкая слобода, или Кукуй, куда в 1662 году переселилось множество иноземцев, обосновавшихся в Москве.

В Преображенском царь словно помолодел. Во дворце была оборудована специальная «комедийная хоромина» – театральная зала, где в октябре 1672 года состоялось первое представление придворного театра. По приказу Алексея Михайловича велено было «на комедии действовать из библии книгу Есфирь».

На представлении присутствовали его супруга, сестры и

дочери – правда, сидели они отдельно от мужчин, за легким занавесом. Впоследствии эта граница была уничтожена и женская часть царского семейства соединилась со своей аристократией.

К изумлению и ужасу подданных, Наталья Кирилловна без мужа ездила в Москву и появлялась на народе в «открытой колымаге» – карете с прозрачными стеклами, хотя раньше цариц тщательно скрывали от чужого глаза. По-видимому, именно в это время сумел ее увидеть и описать один иностранный путешественник: «Это женщина во цвете лет, роста выше среднего, с черными глазами навывкате; лицо у нее кругловатое и приятное, лоб большой и высокий; вся фигура красивая, отдельные члены соразмерные; голос, наконец, приятно звучащий и все манеры крайне изящны». Она любила богато одеваться: один из портретов являет царицу в ездовом платье, аксамитной⁷ телогрее и крытой бархатом соболиной шубе. На голове у нее треух, на ногах красные сафьяновые башмаки.

Домашний обиход царей претерпел изменения по сравнению с прошлыми годами. Алексей Михайлович стремился к красивой новизне, украшавшей дворцовый быт и увеличивающей его комфорт. Появившиеся новая мебель, статуэтки, зеркала, затейливо украшенные часы, столы и стулья немецкой и польской работы вносили заметные изменения в

⁷ Аксамит – драгоценная ткань, затканная крученой золотой нитью по шелковому фону

интерьер царского дворца и боярских хором. При дворе ходили многочисленные переводы латинских, немецких, польских текстов. Русские люди боярского и приказного чина постепенно знакомились с иностранными языками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.